

Линьхуа, шутливо взглянув в зеркало, вдруг услышала, как произнесли следующее имя — «Су Чен». — Студент Су Чен, поднимитесь на сцену и представьтесь. Су Чен шагнул к подиуму, встал на него и оглядел аудиторию. Перед ним сидели самые выдающиеся студенты Академии духовных искусств Чжэньян — здесь были и мужчины, и женщины, а также представители как знатных родов, так и простые смертные. Пока студенты изучали Су Чена с любопытством, Микамии Рошуи, прикрыв рот рукой, удивленно подумала: неужели Су Чен действительно переводной студент? — Меня зовут Су Чен, я обычный гражданин из Руконгая, — произнес он с доброй улыбкой, которая, казалось, должна была смягчить впечатление от его внешности. Но его облик все же бросался в глаза. Многие девушки украдкой разглядывали Су Чена, у некоторых на лицах расцвела нежная румянец. Даже несколько хулиганок из знатных семейств смотрели на него с вызывающей настойчивостью, словно искали способ подшутить над новым одноклассником. Су Чен, не замечая их взглядов, спокойно вернулся на свое место. В то время как в воздухе витало недовольство, сидящие внизу студенты начали перешептываться. Сначала кто-то из них решил, что Су Чен просто один из группы. Он выглядел как аристократ, но не мог запомнить каждое лицо простолюдина, и в его мысли закрадась мысль о том, что бедняга, должно быть, смущается. Однако оказалось, что Су Чен — переводной студент. Как мог обыкновенный человек, не обладая ни мощью, ни связями, попасть в эту элитную группу Академии? Неужели в Су Чене таится что-то особенное? — Хорошо, я полагаю, все уже знакомы с Су Ченом. — продолжил преподаватель. — Вы, первокурсники, обладаете выдающимися талантами для учебы в нашем колледже. Я надеюсь, что вы будете стремиться не только вступить в отряд, но и стать центральным душой вашего будущего отряда! — А теперь я проведу вас за вашим собственным Кян Да. — Идите за мной. Кюрата Ханосукэ первым вышел из класса, а за ним потянулись остальные студенты. Они покинули учебное здание и направились вперед. По дороге Кюрата стал рассказывать им: — Вы должны помнить, что шалт е — это прототип Банкай. Все духовые мечи начинаются с шалт е, без исключения. Укрепляя связь с Асадой, ведь именно совместное изучение, общие ночи и трапезы позволяют письму духа, традиций и убеждений вжиться в меч, создавая индивидуальный Банкай. Все обернулись влево и вправо, и вскоре оказались перед мансардой, известной под названием «ravillion Скрытого Меча». Перед павильоном стояли двое черноодежных Смертных богов, их лица были скрыты под масками, а вокруг них витал холодный, угрожающий воздух. Кюроносукэ Киета передал стражам знак, и те распахнули двери мансарды. Группа студентов вошла внутрь, в зал с мечами. Здесь выстроилось несколько рядов подставок для ножей, на которых покоились облеченные в ножны мечи. Эти мечи имели длинные и изящные лезвия, каждый из них выглядел одинаково, почти не различаясь между собой. — У вас есть десять минут, чтобы выбрать свой меч, после чего мы соберёмся, — произнес Кюроносукэ и, покинув зал, закрыл за собой дверь. Смотря на эти мечи, Су Чен задумался о Нигея Ван Юэ из Нулевого Отдела. Именно он, все орудия, существующие в Душевном Сообществе, создавал сам. За это его прозвали «Богом Мечей». Он даже недолюбливал, что его Фениксовый Зал слишком скромнен, поэтому построил роскошный филиал. Он материализовал множество занпакто в виде женщин, чтобы встречать гостей. И это поднимало главный вопрос для любого Синигами: что такое занпакто? Инструмент? Подчинённый? Партнёр? Семья? Друзья? Питомцы? Любовники? Каждый Синигами, должно быть, давал свой ответ на этот вопрос. Ван Юэ говорил, что Цянта — это самый могущественный занпакто с безграничным потенциалом. Су Чен захотел это проверить: действительно ли потенциал Цянты безграничен? Он подошел к краю области и извлёк меч из подставки. Держа в руках Цянту, он вдруг столкнулся с невероятным — меч, который, как считалось, обладал безграничным потенциалом, рассыпался в прах и превратился в бесчисленные крошечные духовные семена. — Тьфу, кажется, меч, выкованный Нигея Ван Юэ, и вправду, лишь средний... — произнес он с разочарованием. Тем временем Хирано Сора ждала, когда пройдет группа благородных. Они уже выбрали свои мечи, и времени в зале оставалось меньше минуты. Многие из аристократов, увидев, что в руках Су Чена не было ни

одного меча, не могли сдержать насмешки. — Хотя мистер Киета и говорил, что нам следует выбирать мечи самостоятельно... — озвучил один из них с презрением. — Но каждый знает, что потенциал этих мечей безграничен. Проще говоря, все они одинаковы. Достаточно просто схватить любой, — подытожил он. — Наверняка только невежественные простолюдины будут выбирать так долго, как ты. — Простолюдины остаются простолюдинами, — подхватил другой. — Как их можно сравнивать с нами, благородными? Даже если они иногда используют свои привилегии, это скорее случайность. Хирая Конгдзин бросила пристальный взгляд на Су Чена и заметила, что подставка перед ним пуста, но не придавала этому большого значения, возможно, кто-то уже забрал меч. — Пойдёмте, нам скоро собираться! — воскликнула она, и группа аристократов, держась за Цянтю, покинула зал. Су Чен лишь усмехнулся в ответ на их насмешки. Он не ожидал, что распад Цянты будет ошибочно истолкован. — Раз работа Нигея Ван Юэ не удалась, тогда я сам сотворю меч, — произнес он уверенно. Су Чен протянул правую руку, духовные семена собрались в его ладони, и он активировал «Управление Духовным Сыном». Постепенно форма приняла длинный, с лёгким изгибом, нож. Лезвие, черное и белое, острие сверкающее холодным светом, казалось, мощно рассекало воздух, готово на всё, что стоит на его пути. И вот в тот миг, когда мелкий удар в руке Су Чэна разогнулся и разбился вдребезги. В филиале Фениксового зала Нигея Ван Юэ весело развлекался с группой прелестниц, превращённых в Занпакутō. — Девятнадцать... восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два дома! О, да! — произносил он, словно за ним играла своя собственная музыка. С его черными кудрявыми волосами в панк-стиле, модными солнечными очками и формой Нулевого Подразделения он не просто танцевал, но и напевал, будто весь мир вокруг него замер в ожидании. — Ух ты, как здорово! — Наш господин такой красивый! — Как замечательно поет! — Милый, я тебя люблю! — с восторгом восклицали его поклонницы, дразня его нежными фразами. Ван Юэ, с улыбкой на лице, посылал воздушные поцелуи своим очаровательным Занпакутō, и всё вокруг заполняло ощущение праздника. Однако в этот миг его улыбающееся, радостное лицо вдруг окаменело — он замер, глаз не сводя с одной точки, словно почувствовал, как надвигается нечто невероятное. ...